

Дальше — преграда. За ней — так называемый хор, специальная выгородка, внутри которой во время службы размещались монахи, каноники или просто хористы. И вот за всеми этими множасьими рубежами, где-то далеко-далеко у главного престола, можно во время службы, если очень повезет, увидеть (и услышать) священника, совершающего что-то возвышенное и непонятное. В небольших храмах, положим, было попроще, однако ощущение дистанции все равно было отчаянное. Во-первых, малопонятный язык: ладно итальянцы, но попробуйте вообразить, насколько богослужебная латынь была удобоварима для какого-нибудь норвежского поселенца. Во-вторых, старая, дореформенная католическая месса вообще устроена так, что простые молящиеся, строго говоря, едва принимают во внимание: что есть они, что их нет — неважно. На торжественных мессах службу сопровождал хор, но чаще всего пастеру вполголоса отвечал служка, а могло быть и без него, в совсем полном молчании. Прихожане же в это время были вольны делать все, что им заблагорассудится. Следить по молитвеннику за ходом службы (таких, понятно, было ничтожное меньшинство), читать собственные молитвы по четкам, петь что-нибудь свое, предаваться благочестивым размышлениям, просто молча глазеть.

Кажется, что чувства общинности, сопричастности в таких условиях у этих людей совсем не могло возникать. Первохристианское «лобзание мира», всеобщий обмен братскими приветствиями, давно заменили формальным жестом: по рядам передавали специальную металлическую иконку, целуя ее при этом. Регулярно причащаться было не принято — причащались один, самое большее — три-четыре раза в год. Но парадоксальным образом главной вещью во всей церковной жизни все равно оставалась Евхаристия, христианское таинство, которое как раз с общинностью и чувством сопричастности связано самым непосредственным и глубоким образом. Схоласты изошрялись в попытках объяснить, как именно так происходит, что хлеб и вино превращаются в тело и кровь Бога, ставшего человеком. Среднему мирянину все эти разго-

THE MORGAN LIBRARY & MUSEUM/PHOTOGRAPHY, GRAHAM S. HABER

Папская процессия у базилики св. Петра (из «Часослова Фарнезе»). Рим, 1546 год

THE MORGAN LIBRARY & MUSEUM/PHOTOGRAPHY, GRAHAM S. HABER

Месса пяти ран Христовых (из «Часослова да Косты»). Гент, около 1515 года

воры про субстанции и акциденции вряд ли были понятны, но на эмоциональном уровне он явно как-то выделял тот факт, что ему во время мессы предлагают нечто по-особому загадочное, великое, страшное и притом физически воспринимаемое. Впрочем, что там месса. Евхаристия в Средние века была явлением, вокруг которого много чего строилось отнюдь не только в богослужебной жизни. Гостию (освященную облатку, круглый пресный хлебец) могли использовать в колдовстве, знахарстве, ей пытались отгонять чуму, непогоду и демонов, благословляли домашних животных, несли ее впереди войск, чтобы обеспечить победу, хоронили на всякий случай вместе с умершими в надежде обеспечить им вечное спасение, приносили на ней присягу. Наряду с самыми грубыми и наивными суевериями ходили разнообразные житийные легенды, подтверждающие присутствие Христа в святых дарах: такая-то святая десятки лет жила, питаясь одним только причастием, такая-то регулярно видела во время мессы Иисуса, показывающего ей раны от гвоздей.

Материализм и одновременно символичность, суеверия и тончайшие теологические доктрины, отвлеченная мистика и страстное желание получить «пищу спасения» — в средневековом культе Евхаристии сходилась все. Он мог приобретать пугающе горячий характер, провоцируя эпидемию видений, чудесных исцелений и несанкционированных массовых акций благочестия, а мог становиться подспорьем в хладных политических материях: Габсбурги, например, с определенного момента уверяли и были уверены, что их династическое преуспевание связано исключительно с евхаристическим благочестием, которое, дескать, издревле было свойственно их роду.

Но интересно, что главным измерением этого культа в любом случае была визуальность. Все эти аскеты, мистики, властители и простые души стремились не столько «вкушать Бога», сколько «видеть Бога». Иные ученые говорят даже, что это могло быть обусловлено средневековыми представлениями о зрении и оптике: многие вплоть до ньютоновских времен действительно были уверены, что мы видим

THE MORGAN LIBRARY & MUSEUM/PHOTOGRAPHY, GRAHAM S. HABER

Инициал со сценой Тайной вечери (лист из градуала). Флоренция, 1392–1399 годы

THE MORGAN LIBRARY & MUSEUM/PHOTOGRAPHY, GRAHAM S. HABER

Сбор манны (из «Часослова Екатерины Клевской»). Утрехт, около 1440 года